

Н. В. ШЕЛГУНОВ

Русские идеалы, герои и типы

<отрывки>

III

То был век богатырей,
Но смешались шашки, —
И полезли из щелей
Мошки да букашки¹.

От этих богатырей, о которых говорилось в предыдущей главе, нас разделяет ровно два века. Нынче уже не только никого не копят, не ставят на спицы, не колесуют, но исчезли даже плети и розги². По-видимому, утратилось всякое мерило для определения человеческой выносливости и бесстрашия. Мучительство не в духе времени, история не хочет кровавых жертв, общество ими возмущается, цивилизация сделала очевидный прогресс. Какими же признаками определять современных героев и сильных людей, если чугунные организмы утратили уже свое значение? Где искать этих героев и богатырей? Летопись и история молчат: вместо сказаний, сохранивших память об Аввакумах, на сцену выступает роман и повесть; вместо живых людей — типы. Каковы же эти типы?

Евгений Онегин Пушкина начал собою эпоху или, вернее, период разных героев нашего времени. Пушкин воспитал целое поколение романистов и повествователей, у которых не стало силы подняться выше идеала, созданного их великим учителем. И. С. Тургенев, кажется, последний из наиболее сильных писателей этой отжившей школы.

Об Онегине говорилось слишком много и еще так недавно, что снова возвращаться к этому типу суемыслия нет никакой необходимости³. Но нельзя сказать того же о герое Лермонтова — Печорине. И с него-то я начну.

Печорин относится к Онегину так же, как Лермонтов к Пушкину. В Печорине мы встречаем тип силы, но силы искаленной, направленной на пустую борьбу, израсходовавшейся по мелочам на дела недостойные.

Вот как Лермонтов описывает Печорина: «Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побежденное ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртучок его, застегнутый только на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно чистое белье, изобличавшее привычки порядочного человека; его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке... Его походка была небрежна и ленива... Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки; положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость; он сидел, как сидит бальзакова тридцатилетняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала... Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, вьющиеся от природы, так живописно обрисовывали бледный, благородный лоб, на котором, только по долгом наблюдении, можно было заметить след морщин, пересекавших одна другую, и вероятно обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства... У него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза... они не смеялись, когда он смеялся!» Нужно отдать справедливость Лермонтову, что он не поспешил на красивые краски, чтобы расположить читателя в пользу Печорина. Какая разница с всклокоченным, необузданным, не знающим удержав Аввакумом! И то правда, Аввакум не коснулась цивилизация; он продукт той эпохи, когда ходила сырая сила и великосветскость была неизвестна. Печорин, напротив, плод двухвековой цивилизации. Грубая рука Аввакума переродилась в нем в маленькую аристократическую ручку; загрубелая кожа главы раскольников — в нежную женскую кожу; спина, способная выносить десятки ударов кнутом, стала гибка, точно без костей, и нервической слабостью напоминала бальзаковскую кокетку. И по своей деятельности Печорин изображает нечто, на Аввакума вовсе не похожее. Добродушный сын природы, Аввакум, вспоминал через 15 лет с нежностью черную курочку, «одушевленное творение Божие»⁴, Печорин обдал холодом искренно привязанного к нему Максима Максимовича через два года разлуки, и без всякой

нужды оскорбил старика. И в то же время Печорин и не глуп, и не зол. На упрек Максима Максимовича, что он забыл: «Ну полно, полно, — сказал Печорин, обняв его дружески, — неужели я не тот же?.. Что делать?.. всякому своя дорога...» Какую же дорогу Печорин считал своею?

На свадьбе у одного черкесского князька Печорин увидел красавицу-дочь его, Бэлу, и украл ее. Долго возился он с дикой черкешенкой, пока не достиг своего, — уж такой был у него характер, что он шел до конца, — но через четыре месяца черкешенка ему надоела. На упрек Максима Максимовича, Печорин ответил: «Когда я увидел Бэлу в своем доме, когда в первый раз, держа ее на коленях, целовал ее черные локоны, я, глупец, подумал, что она ангел, посланный мне сострадательной судьбой... Я опять ошибся: любовь дикарки не много лучше любви знатной барыни; невежество и простосердечие одной так же надоедает, как и кокетство другой. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодарен за несколько минут довольно сладких, я за нее отдам жизнь, — только мне с нею скучно...» В этом *скучно* вся разгадка характера Печорина. Он сила без выхода; сила, не нашедшая дела по себе и потому напрашивавшаяся на любовные дела и на борьбу с такими ничтожествами, как Грушницкий. Но ни борьба с Грушницкими, ни любовные дела не в состоянии наполнить всего существа Печорина, мелочь надоедает скоро, сила просит большого дела, а большого дела Печорин найти не в состоянии, и на него нападает скука. Печорин и сам знает это: «Жизнь моя становится пустее день ото дня, — говорит он Максиму Максимовичу, — мне осталось одно средство — путешествовать. Как только будет можно, отправлюсь, — только не в Европу, избави Боже! — поеду в Америку, в Аравию, в Индию, — авось где-нибудь умру на дороге!» Во времена героев-богатырей «силушка», просившая дела, уходила в удаль; у цивилизованного героя она пошла на любовь, она заставляет искать пассивной смерти в путешествии.

В своих отношениях к Бэле Печорин вырисовывается только частью; он позволяет о себе лишь догадываться; во всем же блеске является Печорин в любви к княжне Мери. Здесь уже виден опытный боец, здесь на сцене вполне выработанная теория интриги, на создание которой было потрачено много ума, и не одним человеком, а, может быть, целым рядом праздных поколений.

Но нужно отдать справедливость и женщине, принимавшей в развитии этой теории равносильное участие. Принято обык-

новенно обвинять во всем женском вопросе одних мужчин. Тут есть преувеличение; да если бы сама женщина не лезла в болото, неужели ее можно было бы утащить так легко в любовный омут? Теория великосветской любви потому только и выработалась так полно и всесторонне, что сами женщины помогали из всех сил ее развитию. Сами женщины вообразили, что кроме любовных наслаждений ей нет другого дела на земле, и поспешили перетащить магометов рай в свой раздушенный, аристократический будуар. За праздными женщинами, жившими на всем готовом, потащились и другие, и постепенно выработался тот жалкий женский идеал — не человек, а какая-то благоухающая воздушная пери, неспособная ни к труду, ни к серьезной мысли, — против которого вооружился всеми своими силами современный реализм. Конечно, если бы на земле водворилось повсюду счастье и довольство, если бы все были сыты и одеты, то почему бы любовным парам и не сидеть под розовыми кустами? Но как до сих пор довольство и праздность раздушенных барынь созидались лишь на счет лишений и труда коекого другого, то исключительно любовное возлежание в тени розовых кустов следует считать занятием преждевременным и для общества невыгодным. Во времена Печорина люди, даже очень умные и нравственно сильные, не были в состоянии понять этой простой мысли.

Приехав в Пятигорск, Печорин в тот же день, а может быть и на другой, встречается с своим старым знакомым Грушницким. Грушницкий — юнкер. Он носит, по особому роду франтовства, толстую солдатскую шинель; хорошо сложен, недурен собой, говорит вычурно, всеми силами старается рисоваться и производить эффект, влюблен в себя до безумия. Одним словом, тщеславен и глуп. Печорин его не любит. У колодца, где они стояли, проходят две дамы. Одна пожилая, говорить о ней не стоит; другая — будущая героиня романа, одна из тех воздушных, неземных пери, которых неотесанный Аввакум, конечно, и во сне не видел, а если бы и увидел, то сотворил бы очистительную молитву. На героине было закрытое платье gris de perles*; легкая шелковая косынка вилась вокруг ее гибкой шеи. Ботинки couleur rose** стягивали у щиколки ее сухощавую ножку так мило, что даже не посвященный в таинство красоты непременно бы ахнул, хотя от удивления. Ее легкая, но благородная походка имела в себе что-то девствен-

* серо-жемчужного цвета (фр.). — *Сост.*

** красновато-бурого цвета (фр.). — *Сост.*

ное, ускользающее от определения, но понятное взору. Когда она прошла мимо Печорина, от нее повеяло тем неизъяснимым ароматом, которым дышит иногда записка милой женщины. Хотя в таком поэтическом, неуловимом, расплывающемся описании героини нет ничего точного, возбуждающего в уме читателя определенное, ясное о ней представление, но нельзя отнять от него того достоинства, что оно действует возбuditельно на нервы и прикрывает женщину облаком таинственности, настраивающим воображение к чему-то непостижимому. В достижении этой таинственной непостижимости, в искусстве изображения веяния неизъяснимого аромата заключалась вся задача будучих писателей и поэтов. Искусство и мастерство автора оказывались тем выше, чем их героини походили меньше на живых людей. От этой теории не смел отступить ни один романист, ни один поэт. Правда, Печорин заявил в этом отношении весьма оскорбительный для прекрасного пола скептицизм. Он держался того мнения, что поэтам верить не следует: «С тех пор, как поэты пишут и женщины их читают, — говорит он, — их столько раз называли ангелами, что они, в самом деле, в простоте душевной, поверили этому комплименту, забывая, что те же поэты за деньги величали Нерона полубогом». Мнение такого знатока прекрасного пола, как Печорин, должно иметь силу авторитета и дает поэтому право предположить, что поэтическое изображение княжны Мери не больше, как комплимент. Если уж Печорин не знал другого дела, кроме любви и волокитства, то какие же высшие стремления могли обитать в голове и сердце великосветской княжны! Если мужская половина человечества создана для того, чтобы волочиться, то, конечно, прекрасная половина для того, чтобы за нею волочились. Таков уж закон природы, думали великосветские люди. Ничего не поделаешь.

С неземной девицей, княжной Мери, оба героя принялись немедленно кокетничать. Грушницкий начал первый; он сказал пышную французскую фразу, за которую хорошенькая княжна подарила оратора долгим, любопытным взором. Печорин повел свою атаку из зависти; ему был досажен успех Грушницкого. Правда, он сознавал, что зависть к Грушницкому смешна, но в то же время он чувствовал особенное наслаждение уничтожать сладкие заблуждения ближнего. По отношению же к княжне теория Печорина отличалась любопытной особенностью. «А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! — говорил он. — Она, как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солн-

ца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет!» Если перевести эту опоэтизированную фразу на простой человеческий язык, то содержание ее окажется весьма гнусного свойства. А между тем гнусность эта никого не оскорбляла. Из поколения в поколение мужчины срывали цветы и, надышавшись ими досыта, бросали на дороге; и находились из поколения в поколение новые цветы, подставлявшие свои ароматические головки и напрашивавшиеся на то, чтобы их выбросили. Жалкие и бедные люди!

<...> Даже и в том виде, в каком вышел Печорин в моем извлечении, он имеет магнитность. Вы можете возмущаться его безнравственностью, как это и делали некоторые критики, современные «герою нашего времени», но это возмущение докажет лишь слабость вашей способности анализа. Печорин — сила несомненная, и в этом секрет его магнитности. Обратите внимание на его неуклонность в преследовании своей цели, на его злобу и сатанинскую радость, когда жертва уже в его руках, посмотрите, каким молодцом держит он себя с Грушницким на дуэли, как безжалостно его убивает. Печорина не запугаешь ничем, его не остановишь никакими препятствиями; кожа у него, правда, женская и рука аристократическая, но он этой аристократической рукой наносит смерть не хуже любого дикаря; я думаю, если бы выпал жребий, то он своей бескостной спиной вынес бы кнут не хуже Аввакума; может быть, он умер бы под кнутом, но уж, верно, пощады просить бы не стал⁵. Несмотря на свой женоподобный вид, на аристократические манеры, на наружную цивилизацию, Печорин чистый дикарь, в котором ходит стихийная, не сознающая себя сила, как в каком-нибудь Илье Муромце или в Стеньке Разине. Но Стенька Разин, по цели своих стремлений, стоит неизмеримо выше Печорина. Стенька Разин безжалостен с своей любовницей, персидской княжной; когда она заметно стала подчинять его своему влиянию, он, в минуту, по-видимому, меньше всего располагавшую его к убийству, берет княжну за горло и за ноги и бросает в Волгу. Это не был, однако, порыв бесцельной, дикой страсти, бесцельного злодейства — Разин принес свое чувство в жертву делу, которое ставил выше женской любви, раздвоившей его силу. Как же поступает Печорин? Он совершенно спокойно, с жадностью, начал свою коварную игру с княжной и, когда довел ее до того, что она отдается ему, говорит ей, что он над ней смеялся. Ради каких высших интересов он играл судьбой, счастьем, жизнью человека? Княжна Мери,

несомненно, глупа и кисель; Грушницкий тоже глуп непроходимо и лишен всякого характера, и потому борьба, которую затеял с ними Печорин, заставляет сожалеть о силе, потраченной на бессельное, мелочное зло, недостойное этой силы. Печорин как будто хочет явиться мстителем обществу; он горд и зол, он хочет подчинять себе все; я был готов любить весь мир — меня никто не понял, и я выучился ненавидеть, говорит он про себя. Но неужели то будет месть обществу, если он станет обольщать девушек и безжалостно смеяться над ними или убивать таких ничтожных соперников, как Грушницкий? У Печорина не достало силы на высшее, более широкое чувство; на высшую, более широкую мысль. Его байронизм был лишен байроновского ума. Или: война за независимость Греции кончилась⁶, и Печорину не оставалось никакого другого дела?

Здесь мы можем перейти прямо к допросу автора героя нашего времени. В самом Лермонтове не шевелилось никаких широких общественных интересов, оттого вышел узок и Печорин. Лермонтов дал большую силу своему герою; но не мог сообщить ему широких помыслов, потому что и сам их не имел. В этом отношении замечание критиков, что в Печорине Лермонтов рисовал свой портрет, — совершенно верно. Лермонтов озлился на это замечание, потому что в нем была правда⁷. Читатель, конечно, не станет спорить против той мысли, что сила всякого произведения равна силе автора в момент творчества. Герои Шекспира сильны потому, что был силен их автор. Следовательно, в этом отношении каждый автор как бы рисует себя, ибо, чтобы создавать героя, надобно уметь самому чувствовать и мыслить то, что должен чувствовать и мыслить изображаемый герой. Автор, способный лишь к кисельному чувству, будет изображать только киселей; способный чувствовать и мыслить мелко — изобразит мелочников. Лермонтов воспитался в великосветскости и знал только великосветских героев. Он, кажется, и не подозревал, чтобы вне общества носителей лайковых перчаток и благоуханных будуаров могла существовать какая-либо жизнь. Для него, как и для Печорина, все человечество заключалось в сливках общества. Вот отчего Печорин, разочарованный и обманутый салонной и будучарной жизнью, явился беспощадным мстителем — но кого, за что? Обманутый кокетками и глупцами, он стал кокетничать с женщинами, превратился в сердцеда и начал преследовать глупцов. В жизни он не был в состоянии подметить никаких более высоких потребностей, он не мог выбрать себе никакого другого, более широкого дела. Лермонтов уверяет, что Печо-

рин — современный человек, каким он его понимает и каких, к несчастью, слишком часто встречал. Если это так, то из его слов можно сделать только один вывод — что великосветская жизнь перерождает человека и делает его неспособным для общечеловеческой порядочности и что та же самая жизнь кладет печать узкости воззрений на каждого поэта и писателя, выросшего в этой жизни. Лермонтов говорит: «Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж Бог знает!» Будто бы? Лермонтов, как видно, держался того мнения, что поэты должны только уметь чувствовать и рисовать человеческие страдания, а указывать на лекарство дело мыслителей. Устанавливая эту разницу между поэтами и мыслителями, Сен-Симон⁸ только констатировал факт; но вовсе не имел в виду доказывать, что поэты не должны мыслить. В чем же и слабость всех наших поэтов и романистов, как не в том, что они не умели мыслить, не имели решительно никакого понятия о страданиях человеческих и о средствах против общественных зол. Оттого их героями являлись не общественные деятели, а великосветские болтуны, и, чересчур обобщая салонную жизнь, они называли «героями нашего времени» тех, кого бы правильнее назвать «салонными героями». Это была литературная клевета писателей, не способных понимать жизни и общественных стремлений новых поколений. Ведь понимали же их такие критики, как Белинский, Добролюбов; отчего же не умели понимать их Пушкины, Лермонтовы, Тургеневы? Мы видели, что героический период создал идеалы богатырей — Илью Муромца, Алешу Поповича, Еруслана Лазаревича; мы видели, что неурядицы Московского государства и борьба федеративных элементов с централизационными вызвали бойцов в лице Стеньки Разина, Аввакума и других; неужели только для нашего времени остановилась история, замерли все стремления и, кроме Евгениев Онегиных, Печориных, Рудиных, Литвиновых, Россия не в состоянии произвести ничего порядочного, никакой нравственной и умственной мощи, никакого идеала передовой силы?..

Печорин если и не обнаружил на русскую читающую публику особенного влияния, то тем не менее впечатление, им произведенное, было значительно.

Правда, люди нравственные возмущались и тогда его сатанинскими свойствами, а некоторые критики даже утверждали, будто бы Лермонтов в лице Печорина рисовал самого себя.

Но неприятное впечатление, произведенное Печориным на некоторых, следует рассматривать не более как частность.

Большинство читающей публики Печорину симпатизировало, и причина этого понятна. Печорин — сила, несомненная сила, но, как выразились бы критики, ему современные, сила сатанинская. Не сила мефистофельская, наводящая на зло, а сила, губящая все, с чем она приходит в соприкосновение. Попадает ли Печорину женщина, он оскорбит ее и над нею надругается; попадет ли мужчина, он вышутит его, а если представится случай, то и убьет. Печорин весь пропитан злобой, которая не останавливает его ни пред какими препятствиями; его нельзя запугать ничем. В этом бесстрашии, в этой злобе и безжалостности — секрет силы Печорина. И несмотря на всю свою силу, Печорин производит безотрадное впечатление. Он оторванный от мира одиночка, отделившийся от людей и их ненавидевший. Глядя на его бесцельно убитую жизнь, на деятельность, направленную на пагубу отдельных людей, жалеешь о том, что общественная жизнь могла производить такие болезненные, уродливые явления. Конечно, у Печорина, говорящего хотя и солидно и, по-видимому, умно, не было ума настолько сильного, чтобы поставить себя в правильные отношения к обществу и дать своей деятельности разумное и полезное направление. Причина этого в том, что Печорин был воспитан не для общественной жизни. С первой молодости из него создавали одиночку; в нем развивали личные наклонности, желания и стремления. Из него создавали деспота, пред волей которого должно было все склоняться, желаниям которого должно было все служить. И вот эта одиночка сталкивается в жизни с другими одиночками, воспитанными точно так же, как он, и так же, как он, желающими, чтобы все служило им. За столкновением личных интересов является борьба, за борьбой неудовлетворение, обоюдное неудовольствие, разочарование и озлобление. В великосветском омуте, в котором вращался Печорин, он не встретил сочувствия, потому что каждый думал о себе, и, озлившись на отдельных людей, Печорин стал вымещать свою злобу на людях, ни в чем перед ним не повинных и виноватых только в том, что они были так же пусты, как тот большой свет, который их создал. У Печорина не достало ума, чтобы понять, что отдельные люди тут ни в чем не виноваты и что глупо вести борьбу против отдельных единиц. Возвыситься до понимания общих причин, создающих аномальные общественные явления и портящих отдельных людей, у Печорина не достало силы. Только поэтому вся его энергия и сила направилась на борьбу с отдельными лицами, вместо того чтобы бороться с принципами; только поэтому он стал разыгрывать демониче-

скую силу, направленную на частную борьбу, вместо того чтобы выйти общественным деятелем.

Тургеневские герои совсем иного закала. И они, как Печорин, воспитаны большим светом; и они выросли, окруженные многочисленной дворней, няньками, гувернерами и гувернантками, но в основе их натуры лежит благодущие, делающее из них в конце концов расплывающуюся манную кашу, они гибнут от скуки и праздности.

Тургеневские герои точно так же воспитаны для одиночной жизни. Они живут точно так же для себя и не понимают солидарности человеческих интересов. Они, как Печорин, не знают другого дела, кроме любви, но у них недостает печоринской силы и злости. От этого, доведя женщину до признания в любви, Печорин беспощадно отталкивает ее и говорит ей, что он шутил с нею. Тургеневские же герои в подобных случаях высказывают в окно⁹. Отличаясь от Печорина слабосильностью, тургеневские герои, по своему благодущию, оказываются способными только ныть, расплываться в любви и охать от заедающей их праздности. Они тоже не воспитаны для общественной деятельности и решительно не знают, что им делать с самими собою. От этого они носятся по миру с заедающей их скукою, влюбляются, влюбляют в себя; когда дело приближается к развязке, выпрыгивают с позором в окно, снова принимаются блуждать по миру, снова влюбляются, снова выпрыгивают и т. д. В промежутки же отпускают красивые фразы о необходимости деятельности, о пользе труда и вообще заявляют великую охоту говорить при всяком удобном и неудобном случае о высоких материях. Образчиком такой бесполезно и бессильно потраченной человеческой жизни, типом целого ряда поколений, созданных крепостным бытом, служит благоухающий пустой фразер и жалкий мученик бесцельно потраченной, праздной жизни — Рудин. <...>

